

Достоевскій о любви и безсмертіи

(Новый фрагментъ).

Постоящій отрывокъ изъ записной книжки Достоевскаго не вошелъ ни въ одно Собраніе его сочиненій. Онъ написанъ для себя, какъ интимнѣйшая медитація въ трагическій моментъ жизни: въ моментъ смерти его первой жены. Въдъ моментъ смерти есть моментъ жизни и, быть можетъ, самый значительный и загадочный. Значительный — потому, что ставитъ подъ вопросъ значеніе всѣхъ другихъ моментовъ жизни, начиная съ момента рожденія. Рожденіе оставляетъ открытымъ вопросъ о смыслѣ и значеніи жизни; но смерть со всею силою ставитъ этотъ вопросъ. Мысль о смерти каждаго дѣлаетъ философомъ и мистикомъ.

Но есть разная философія и разная мистика. Одинъ говоритъ: «ѣшь, пей и веселись, ибо завтра смертію умрешь»; другой говоритъ: «не могу ѣсть, пить и веселиться, ибо завтра смертію умру». Иное міросозерцаніе кажется пошлымъ, никому ненужнымъ и неинтереснымъ передъ лицомъ смерти, передъ лицомъ трагизма (фокусъ трагизма есть смерть). Весь міровой матеріализмъ, «научный» позитивизмъ, начиная отъ Эпикура до Спинозы и отъ Спинозы до Маркса — не выдерживаетъ взгляда смерти, не выноситъ испытанія трагизма.

«Мудрый ни о чемъ не думаетъ меньше, какъ о смерти, ибо мудрость есть мудрость жизни, а не смерти» (Спиноза). Неправда, ибо «житейская мудрость», игнорирующая трагизмъ, кажется глупостью передъ лицомъ смерти. Современная психологія и философія думаетъ какъ-разъ наоборотъ: нормальная психологія второй половины жизни есть психологія приготовленія къ смерти (Юнгъ). Вся философія Гейдеггера есть философія, исходящая изъ принципа конечности всякой жизни (Sein zum Ende). Въ противоположность Спинозѣ: онъ могъ бы сказать: только глупецъ не думаетъ о смерти. Въ этомъ смыслѣ и со-

временная философия и современная психология возвращаются къ Платону, утверждающему, что жизнь истиннаго философа есть приготовленіе къ смерти (Федонъ).

Инфантильная философия марксизма не додумалась до мысли о смерти. Она можетъ сказать: «марксистъ ни о чемъ не думаетъ меньше, какъ о смерти»... Одинъ комсомолецъ, впрочемъ, догадался спросить: зачѣмъ мнѣ все это грядущее торжество социализма, когда я умру? Что могъ ему дать марксизмъ, кромѣ забавныхъ пошлостей? «Страхъ смерти есть мелко-буржуазное явленіе, пролетаріатъ и коллективъ не умираетъ!» Не правда, пролетаріаты и коллективы, народы и земли, планеты и свѣтила — умираютъ. Пафосъ пятилѣтокъ и классовой борьбы есть вздоръ передъ проблемой энтропії. Какъ бы ни была задавлена личность въ коллективизмѣ, личное горе и личный трагизмъ имѣютъ для нея абсолютное значеніе. Отсюда невѣроятное количество самоубійствъ въ коммунизмѣ и притомъ со стороны лицъ, наиболѣе значительныхъ и талантливыхъ. Марксизмъ не можетъ угнѣшить въ трагизмѣ, ибо онъ не знаетъ трагизма: это безтрагическое міросозерцаніе инфантильнаго актинизма.

Катаевъ въ своемъ разсказѣ «Огонь» изображаетъ, какъ у марксиста-антирелигіозника сгорѣла любимая жена. Этотъ абсолютный трагизмъ никакъ не предусмотрѣнъ въ его діалектическомъ материализмѣ. Онъ не становится религіознымъ, нѣтъ; онъ убѣжденъ, что и христіанское Провидѣніе ничего не можетъ здѣсь объяснить, по сѣкъ ему поговорить, кто можетъ понять глубину проблемы? Онъ знаетъ, что бесѣдовать съ «товарищами» объ этомъ бесполезно и идетъ къ тому самому запуганному священнику, противъ котораго онъ побѣдоносно выступалъ на диспутахъ, идетъ — не для того, чтобы покаяться, но чтобы спорить съ Богомъ и богохульствовать.

Можетъ показаться, что философская проблема безсмертія души несовременна по сравненію съ проблемой социализма. Инымъ кажется, что во время мірового кризиса и великихъ социальныхъ потрясеній некогда медитировать о безсмертіи. Но смерть не считается ни съ какой исторіософіей, ни съ какими злорадами дня: она ихъ упраздняетъ, какъ упраздняетъ борьбу, ненависть, гнѣвъ и страсть:

«Предъ нею гаснутъ пятна гнѣва,
Жаръ сладострастія бѣжитъ»...

Предъ нею становятся бессмысленными иныя проблемы, в особенно проблема производства и распредѣленія. Предъ нею исчезаютъ классы и съ ними классовое сознание. Вотъ что выражено ясно въ трагическомъ разсказѣ Катаева.

Но удивительно вотъ что: не все исчезаетъ и съживается предъ лицомъ смерти, какъ съживается социальный вопросъ. Личность можетъ устоять предъ нею и смотреть ей въ глаза, не опуская взора. Личность не съживается предъ лицомъ смерти, а даже часто вырастаетъ во весь ростъ. Подвигъ, заслуга, грѣхъ, раскаяніе—сохраняютъ значеніе предъ лицомъ смерти: они равнозначительны и равновесильны. Такъ-же, какъ и личность, они могутъ игнорировать смерть и побуждать смерть. Смерть есть великій метафизикъ, она считается только съ метафизическими сущностями и съ метафизическими проблемами. Остальное для нея — солома. И она каждого дѣлаетъ метафизикомъ, ибо заставляетъ каждого въ концѣ концовъ «перейти изъ времени въ вѣчность».

Почему такъ пошло сказать, что смерть есть мелкобуржуазное явленіе? А потому, что отношеніе къ смерти здѣсь выводится изъ социализма; тогда-какъ, наоборотъ, отношеніе къ социализму должно выводиться изъ вопроса о смерти или безсмертіи личности и человечества. Полнота марксизма и даже его комизмъ состоятъ въ извращеніи іерархій цѣнностей и іерархій идей.

Въ приводимомъ отрывкѣ выступаетъ все философское величіе Достоевскаго. Всегда и вездѣ онъ философствуетъ изъ глубины трагическаго конфликта. Всякую другую спокойную и успокаивающую философію онъ называетъ «пиццеварительной» философіей. Единственное существо, которое знаетъ всѣ глубины человѣческаго трагизма — это Христось; и единственное существо, которое знаетъ преодоленіе трагизма, которое посылаетъ Утѣшителя, которое знаетъ побѣду надъ смертью въ величій воскресенія и вѣчной жизни, — это Христось. Вотъ почему Достоевскій, вся жизнь котораго была Голгофой, могъ въ своей философіи исходить только изъ Христа. И въ другой подлинной философіи и подлинной мистикѣ трагизма.

Метафизика смерти ставитъ сразу всѣ проблемы потусторонняго и потусторонняго міра. И потому медитация Достоевскаго вырастаетъ въ грандіозную этическую систему, рѣшающую проблему смысла жизни, смысла лю-

бви, смысла разнітія и вѣчнаго человѣческаго стремленія къ совершенству.

Но къ этому отрывку можно еще подойти и съ другой стороны. Въ немъ заключена потусторонняя разгадка великой психологической загадки одной любви. Весь романъ Достоевскаго съ Маріей де Констанъ (по мужу Исаевой) былъ сплошнымъ взаимомучительствомъ. И, однако, онъ писалъ о ней послѣ ея смерти своему другу Врангелю: «О, мой другъ, она любила меня безпредѣльно, и я любилъ ее безъ мѣры, но мы жили не счастливо. Но если мы были положительно несчастны вмѣстѣ, въ силу ея страннаго, подозрительнаго, болѣзненно-фантастическаго характера, то все-же мы никогда не переставали любить другъ друга, и даже, чѣмъ болѣе мы были несчастны, тѣмъ болѣе мы привязывались другъ къ другу. Это была женщина самая благородная, самая честная, самая великодушная изъ всѣхъ, какихъ я зналъ въ моей жизни...»

Въ нихъ было какое-то взаимное притяженіе, даже сходство (развѣ нельзя сказать о самомъ Достоевскомъ, что у него характеръ «странный, подозрительный, болѣзненно-фантастическій?»), — и вмѣстѣ съ тѣмъ принципиальная несовмѣстимость и дисгармонія. Въ ихъ романъ была какая-то трудно понимаемая правда и цѣнность, и какая-то очевидная уродливость.

Весь отрывокъ покоится на евангельскомъ текстѣ «не женитесь и не посягають, а живутъ, какъ ангелы Божіи». Философски онъ означаетъ трансцендентный идеалъ андрогиннаго соединенія, но психологически, психоаналитически онъ свидѣтельствуетъ о другомъ. Подсознаніе говоритъ: нельзя было жениться и посягать, нужно было жить, какъ ангелы Божіи! Мы имѣемъ рѣдкій, но интересный феноменъ двухъ лицъ разнаго пола, предназначенныхъ другъ для друга, влекомыхъ другъ къ другу таинственнымъ притяженіемъ, но не притяженіемъ эротическимъ. Половинки, но не соединимыя въ земномъ планѣ. Она любила его идеальное Я, его небесный образъ, могла цѣловать ему руки, признаваясь въ земной страсти къ другому, но никогда не могла въ сущности эротически принять его земную, эпилептическую оболочку. Онъ тоже любилъ ее вначалѣ и въ концѣ какъ сестру («вы женщина изумительная, сердце изумительной, дѣтской доброты, вы были мнѣ болѣе, чѣмъ сестрой»), но не удержался и сталъ

«носить». Страннымъ образомъ «священная» болѣзнь наказала его страшнымъ припадкомъ, трагически разрушивъ ихъ первую ночь, а въ сущности и все ихъ семейное счастье.

Все трагично въ жизни Достоевскаго и прежде всего его первый романъ и бракъ. Стоитъ вспомнить и продумать его захватывающія перипетіи — онѣ много даютъ для философіи любви. Достоевскій проявилъ титаническое напряженіе въ завоеваніи любимой женщины, но онъ забылъ, что въ любви есть иъчто, что даруется даромъ (*gratia gratis data*), что ускользаетъ отъ всякой воли, отъ всякой заслуги, отъ всякаго подвига. Женская любовь увѣнчиваетъ заслуги и подвиги до ихъ совершенія («Wenn es auch nie geschieht»). Она радуется, если они дѣйствительно будутъ совершены («я была права!»), но она восхищается и тѣми, которые только могли-бы быть совершенны и для которыхъ, вѣроятно, не представилось удобнаго случая. Поэтому есть дары любви, которыхъ никогда не должна добиваться самая отважная рыцарская воля. Эросъ мститъ жестоко за всякое малѣйшее принужденіе. Въ любви все самое цѣнное рождается, а не творится. Эросъ мирится только съ однимъ принужденіемъ и завоеваніемъ: когда его принуждаютъ къ тому, чего онъ, въ сущности, изначально и безсознательно желалъ.

Трагедія первой большой любви Достоевскаго состояла въ томъ, что онъ имѣлъ противъ себя все подсознаніе любимой женщины, а за себя — только ея сознаніе. И при этомъ онъ зналъ это своимъ подсознаніемъ и утверждалъ обратное своимъ сознаніемъ. Это была сознательная любовь при сплошной подсознательной борьбѣ, ненависти и ненависти. Поэтому, послѣ смерти Маши, основное страданіе отъ недостатка любви и жертвы: почему невозможно было возлюбить до конца, святой любовью? Что препятствовало, что связывало?

Работая въ архивахъ Достоевскаго, я нашелъ эту медитацию въ его записной книжкѣ, среди ежедневныхъ записей расходовъ, долговъ, неожиданныхъ афоризмовъ, отрывочныхъ мыслей. Не безъ трепета касаясь я этой старинной книжки въ коричневой кожѣ съ золотымъ обрѣзомъ и съ золотой тисненой надписью: *Notes*. По множеству причинъ, я былъ связанъ въ желаніи опубликовать этотъ отрывокъ и лишь теперь, когда онъ проданъ Пиперу въ Мюнхенѣ, я считаю себя свободнымъ. Во всякомъ

случаѣ, этотъ отрывокъ никогда не появлялся въ зарубежной печати. Когда онъ былъ мною прочитанъ на юбилейномъ собраніи въ память Достоевскаго, я могъ убѣдиться, что онъ неизвѣстенъ никому, даже знатокамъ Достоевскаго.

**

«16 апрѣля. Маша лежитъ на столѣ. Увижусь-ли съ Машей? Возлюбить человѣка, какъ самого себя, по заповѣди Христовой — невозможно. Законъ личности на землѣ связываетъ. Я препятствуетъ. Одинъ Христось могъ, но Христось былъ вѣковѣчный, отъ лѣка идеаль, къ которому стремится, и по закону природы долженъ стремиться человѣкъ, — Между тѣмъ, послѣ появленія Христа, какъ идеала человѣка во плоти, стало ясно, какъ день, что высочайшее, послѣднее развитіе личности именно и должно дойти до того (въ самомъ концѣ развитія, въ самомъ пунктѣ достиженія цѣли), чтобы человѣкъ нашель, созналь и всей силой своей природы убѣдился, что высочайшее употребленіе, которое можетъ дѣлать человѣкъ изъ своей личности, изъ полноты развитія своего я — это какъ-бы уничтожить это я, отдать его цѣликомъ всѣмъ и каждому безраздѣльно и беззавѣтно. И это величайшее счастье. Такимъ образомъ, законъ я сливается съ закономъ гуманизма и въ слитіи оба, и я и всѣ (повидимому двѣ крайнія противоположности), взаимно уничтожаясь другъ для друга, въ тоже самое время достигаютъ и высшей цѣли своего индивидуальнаго развитія каждый особо.

Это-то и есть рай Христовъ. Вся исторія какъ человѣчества, такъ отчасти и каждаго отдѣльно, есть только развитіе, борьба, стремленіе и достиженіе этой цѣли.

Но если это цѣль окончательная. человѣчества (достигнувъ которой ему не надо будетъ развиваться, т. е.

достигать, бороться, прозрѣвать при всѣхъ паденіяхъ своихъ идеаль и вѣчно стремиться къ нему, — стало быть не надо будетъ жить) — то слѣдственно человѣкъ есть на землѣ существо только развивающееся, слѣд. не оконченное, а переходное.

Но достигать такой великой цѣли, по моему разсужденію, совершенно бессмысленно, если при достиженіи цѣли все угасаетъ и исчезаетъ, т. е. если не будетъ жизни у человѣка и по достиженіи цѣли.

Слѣдственно есть будущая, райская жизнь.

Какая она, гдѣ она, на какой планетѣ, въ какомъ центрѣ, въ окончательномъ-ли центрѣ, т. е. въ лонѣ всеобщаго синтеза, т. е. Бога? — мы не знаемъ. Мы знаемъ только одну черту будущей природы будущего существа, который врядъ-ли будетъ и называться человѣкомъ (слѣд. и понятія мы не имѣемъ какими будемъ мы существовать). Эта черта предсказана и предугаана Христомъ, — великимъ и конечнымъ идеаломъ развитія всего человѣчества, представшимъ намъ, по закону нашей исторіи во плоти; эта черта:

«Не женятся и (не) посягаютъ, а
живутъ какъ ангелы Божіи»

черта глубоко-знаменательная.

1) Не женятся и не посягаютъ, ибо не для чего; развиваться, достигать цѣли, посредствомъ смѣны поколѣній уже не надо и

2) женитьба и посягновеніе на женщину есть какъ-бы величайшее отталкиваніе отъ гуманизма, совершенное обо-собленіе пары отъ всѣхъ. (Мало остается для всѣхъ). Семейство, т. е. законъ природы, но все-таки ненормальное, эгонстическое въ полномъ смыслѣ состояніе отъ человѣка. Семейство — это высочайшая святыня человѣка на землѣ, ибо посредствомъ этого закона природы человѣкъ

достигаетъ развитіемъ (т. е. смѣной поколѣній), цѣли. Но въ то же время человѣкъ по закону-же природы, во имя окончательнаго идеала своей цѣли, долженъ непрерывно отрицать его. (Двойственность).

Антихристы ошибаются, опровергая христіанство, слѣдующимъ основнымъ пунктомъ опроверженія: «Отчего-же христіанство не царитъ на землѣ, если оно истинно; отчего-же человѣкъ до сихъ поръ страдаетъ, а не дѣлается братомъ другъ другу?»

Да очень понятно, почему: потому что это идеаль будущей окончательной жизни человѣка, а на землѣ человѣкъ въ состояніи переходномъ. Это будетъ, но будетъ послѣ достиженія цѣли, когда человѣкъ переродится по законамъ природы окончательно въ другую натуру, которая не женится и не посягаетъ.

и 2) Самъ Христосъ проповѣдывалъ свое ученіе какъ идеаль, самъ предрекъ, что до конца міра будетъ борьба и развитіе (ученіе), ибо это законъ природы, потому что на землѣ жизнь развивается, а тамъ — бытіе полное синтетически, наслаждающееся и наполненное, для котораго стало быть «времени не будетъ».

Атеисты, отрицающіе Бога и будущую жизнь, ужасно склонны представлять все это въ человѣческомъ видѣ, тѣмъ и грѣшатъ. Натура Бога прямо противоположна натурѣ человѣка. Человѣкъ, по великому результату науки, идетъ отъ многообразія къ синтезу, отъ фактовъ къ общенію ихъ и познанію. А натура Бога другая. Это полный синтезъ всего бытія, саморазсматривающій себя въ многообразіи, въ анализѣ.

Но если человѣкъ не человѣкъ — какова-же будетъ его природа?

Понять нельзя на землѣ; но законъ ея можетъ представляться и всѣмъ человѣчествомъ въ непосредственныхъ эманацияхъ (Прудонъ происхожденіе Бога) и каждымъ частнымъ лицомъ.

Это слитіе полнаго я, т. е. знанія и синтеза, со всѣмъ. «Возлюби все, какъ себя». Это на землѣ невозможно, ибо противорѣчить закону развитія личности и достиженія окончательной цѣли, которымъ связанъ человѣкъ. Слѣд. это законъ не идеальный, какъ говорятъ антихристы, а нашего идеала.

Итакъ, все зависитъ оттого: принимается-ли Христосъ за окончательный идеалъ на землѣ, т. е. отъ вѣры христіанской. Коли вѣришь во Христа, то вѣришь, что и жить будешь во вѣкъ.

Есть-ли въ такомъ случаѣ будущая жизнь для всякаго я? Говорятъ, человѣкъ разрушается и умираетъ все съ. Мы уже потому знаемъ, что не весь, что какъ физически рождающій сына передаетъ ему часть своей личности, такъ и нравственно оставляетъ память свою людямъ (Поминаніе вѣчной памяти на панихидахъ знаменательно), т. е. входитъ частію своей прежней, жившей на землѣ личности, въ будущее развитіе человѣчества. Мы наглядно видимъ, что память великихъ развивателей человѣка, живетъ между людьми (равно какъ и злодѣевъ развитія) и даже для человѣка величайшее счастье походить на нихъ. Значитъ часть этихъ натуръ входитъ и плотью и одушевленно въ другихъ людей. Христосъ весь вошелъ въ человѣчество и человѣкъ стремится преобразиться въ Я Христа, какъ въ свой идеалъ.

Достигнувъ этого, онъ ясно увидитъ, что и всѣ, достигавшіе на землѣ этой цѣли, вошли въ составъ его окончательной природы, т. е. во Христа. (Синтетическая натура Христа изумительна. Вѣдь это натура Бога, значитъ Христосъ есть отраженіе Бога на землѣ). Какъ воскресаетъ тогда каждое я — въ общемъ синтезѣ — трудно представить.

Но живое, не умершее даже до самаго достиженія и отразившееся въ окончательномъ идеалѣ — должно ожить въ жизнь окончательную синтетическую безкопечную. Мы

будемъ лица, не переставая сливаться со всѣмъ, не посягая и не женясь, и въ различныхъ разрядахъ, (въ дому Отца моего обители мнози суть).

Все себя тогда почувствуетъ и познаетъ. На вѣчно. Но какъ это будетъ, въ какой формѣ, въ какой природѣ — человѣку трудно и представить себѣ окончательно.

И такъ человѣкъ стремится на землѣ къ идеалу, — противоположному его натурѣ. Когда человѣкъ не исполнилъ закона стремленія къ идеалу, т. е. не приносилъ л ю б о в ь ю въ жертву своего я людямъ или другому существу (я и Маша), онъ чувствуетъ страданіе и называетъ это состояніе грѣхомъ. И такъ человѣкъ непрерывно долженъ чувствовать страданіе, которое уравнивается райскимъ наслажденіемъ исполненія закона, т. е. жертвой. Тутъ-то и равновѣсіе земное. Иначе земля была-бы бессмысленна (а?).

Ученіе матерьялистовъ, — всеобщая косность и механизмъ вещества, значить смерть.

Ученіе истинной философіи — уничтоженіе косности, т. е. центръ и синтезъ вселенной и наружной формы ея — вещества, т. е. Богъ, т. е. жизнь безконечная.

Изумляетъ рациональная форма философствованія и сила доказательствъ въ этомъ отрывкѣ: онъ хочетъ быть несомнѣннымъ, неопровержимымъ для всякаго атеиста, позитивиста, матеріалиста. Въ него Достоевскій вложилъ свою желѣзную логику и вмѣстѣ съ тѣмъ свое основное мистическое прозрѣніе, свою основную эстетическую интуицію.

Прежде всего, никто не можетъ утверждать полную смертность человѣка; никто не можетъ отрицать проблему безсмертія: въ той или другой формѣ она существуетъ для всякаго невѣрующаго: «Говорятъ, чело-

вѣкъ разрушается и умираетъ весь» - неправда! Существуетъ несомнѣнное безсмертіе матеріальное, органическое и духовное. Развитие рода, память исторіи («Вѣчная память») сохраняетъ въ себѣ всѣ прошедшія времена, всѣ когда то жившія индивидуальности. Такое позитивно-научное безсмертіе никакъ не можетъ быть отрицаемо: ни физикомъ, ни геологомъ, ни біологомъ, ни психологомъ. Для физика оно покоится на принципѣ сохраненія матеріи и энергіи. Для наукъ о жизни оно покоится на идеѣ эволюціи; ее то Достоевскій и беретъ въ основаніе. Съ точки зрѣнія эволюціи, вѣчно существуетъ и живетъ въ каждомъ моментѣ настоящаго все, что было. Въ современной геологической структурѣ земли увѣковѣчены всѣ бурные моменты исторіи этой планеты. Современная психологія утверждаетъ то-же относительно чело-вѣческой души: въ подсознаніи скрываются древніе пласты, содержащіе въ себѣ всю исторію пережитыхъ чело-вѣчествомъ душевныхъ воспріятій и эмоцій (Юнгъ). Это однаково вѣрно для исторіи неба, исторіи земли, исторіи чело-вѣчества и исторіи души.

Но такого статическаго безсмертія недостаточно чело-вѣку. Недостаточно безсмертіе субстанціальное, безсмертіе химическаго элемента, безсмертіе органической кліт-ки, даже безсмертіе душевной субстанціи (въ духѣ Декарта). Съ точки зрѣнія такого безсмертія, ничего не измѣняется, тогда какъ въ эволюціи все измѣняется. Недостаточно вѣчно жить въ прошломъ, недостаточно и того, что прошлое вѣчно живетъ въ настоящемъ. Человѣческая жажда безсмертія есть жажда жить въ будущемъ, жить «во всѣ времена». Это — идея динамическаго безсмертія, къ которой приходитъ Достоевскій. Статическое безсмертіе матеріи недостаточно, движущееся, по консервативное безсмертіе сохраненія рода, сохраненія клітки — недостаточно.

Но, можетъ быть, никакого иного и нѣтъ? Такъ скажетъ позитивно-атеистическій мыслитель. Однако, и онъ не сможетъ остановиться на простомъ отрицаніи. Существуетъ иѣкоторое идеальное состояніе безсмертія, которымъ мы не обладаемъ, но къ которому стремимся. Существуетъ несомнѣнный психологическій фактъ, больше того, неотъемлемое свойство души: стремленіе къ безсмертію. Проблему безсмертія нельзя отрицать: чело-вѣкъ созданъ такъ, что онъ дѣйстви-

тельно жаждать нѣкоторой идеальной полноты леумирающей жизни; и вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ ею не обладаетъ, а потому всегда можетъ сказать, что «нѣтъ безсмертія». Здѣсь выступаетъ вся сила платоновской диалектики: человѣкъ не смертенъ и не безсмертенъ — онъ лишь стремится къ безсмертію! Это и есть динамическая установка Достоевскаго: человѣкъ на землѣ есть переходное, неполное, незаконченное существо, вся его жизнь есть развитіе, борьба, стремленіе.

Существуетъ ли высшее духовное, динамическое безсмертіе? Безсмертіе личности, ея замысловъ и достижений, ея идеаловъ и устремлений? Будетъ ли жить все задуманное и невыполненное, все страстно-желанное и неудавшееся? Отвѣтъ: идеаль такого безсмертія стоитъ предъ нами, онъ есть неотъемлемое свойство души. Можно отрицать фактъ безсмертія, но нельзя отрицать идеаль безсмертія. Во времена Леонардо-да-Винчи можно было отрицать фактъ полета, но нельзя было отрицать проблему летательной машины; и при этомъ въ сферѣ духовной жизни, стремленія и творчества, всѣ факты вытекаютъ изъ поставленныхъ проблемъ, изъ творческихъ идеаловъ.

Возможно ли, однако, достиженіе этого идеала? Не бессмысленъ ли онъ? Прежде всего, невозможность достижения ничего не говоритъ противъ идеала (старая мысль Канта). Невозможно быть въ современныхъ условіяхъ абсолютно-здоровымъ, но отъ этого здоровье не перестаетъ быть вѣчнымъ идеаломъ медицины. Вся исторія человечества опредѣляется стремленіемъ достигнуть недостижимыхъ идеаловъ справедливости и свободы и любви. Культура и исторія невозможны безъ творческаго стремленія къ нѣкоторому идеалу, хотя бы неясному, рационально-невыразимому. Исторія есть тоже эволюція, только эволюція духовно творческая.

Достоевскій кладетъ въ основу своего размышленія несомнѣнное понятіе развитія. Всякое развитіе утверждаетъ и содержитъ въ себѣ нѣкоторое безсмертіе. Исторія человечества есть тоже развитіе, но творческое, такое, которое ставитъ себѣ вопросъ: во что человечество желаетъ развиться? Это творческое развитіе содержитъ въ себѣ особую творческую идею безсмертія. Эволюція есть обогащеніе бытія, паростаніе жизни, а потому въ ней уже содержитсяъ проблема полноты и завершенности жиз-

ни. Человѣчество творитъ свою исторію, опредѣляясь предчувствіемъ какой-то конечной полноты и завершенности жизни, опредѣляясь конечной цѣлью — идеаломъ. Оно какъ бы строить великій храмъ жизни, въ которомъ, когда онъ будетъ завершенъ, — не только будетъ воплощена идея архитектора, но навѣки будетъ сохранено каждое творческое усиліе каменщика, каждый положенный имъ камень (метафора ап. Павла). Вотъ это есть особое безсмертіе черезъ творческій идеаль, специально христіанское динамическое безсмертіе, не даруемое, а созидаемое черезъ безсмертіе черезъ конечную цѣль, безсмертіе «въ концѣ концовъ». Это чисто христіанская идея, родственная платонизму, но совершенно противоположная индійской идеѣ безсмертія.

Понять, какое это безсмертіе, въ какой формѣ бытія, можно, конечно, только представивъ себѣ, какой храмъ здѣсь строится, какого стіля и какимъ будетъ положеніе каждаго киррича; иначе говоря, нужно представить себѣ христіанскую идею искомаго совершенства, искомой полноты бытія. Достоевскій прекрасно понимаетъ ея непостижимость, ея предѣльную невыразимость въ понятіяхъ, понимаетъ ирраціональность воплощеннаго идеала; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, этотъ идеаль долженъ быть какъ-то понятенъ, даже нагляденъ и кое въ чемъ ясенъ, даже логиченъ, ибо онъ даетъ направленіе, какъ безконечно-далекія звѣзды.

Такимъ идеаломъ для христіанина является Христось, «идеаль чловѣка во плоти», онъ нагляденъ, сразу понятенъ сердцу и вмѣстѣ съ тѣмъ невыразимъ въ понятіяхъ и полонъ тайны. Онъ есть полнота жизни, красота и завершенность («синтетическая натура Христа изумительна»). Если безсмертіе динамическое есть безсмертіе черезъ идеаль, то для христіанина оно есть безсмертіе черезъ Христа: «коли вѣришь во Христа, то и жить будешь вѣчно».

Здѣсь выступаетъ съ совершенной ясностью другое стремленіе Достоевскаго. Христіанскій идеаль вовсе не долженъ быть убѣдителенъ только для христіанъ, онъ есть единственно возможный и единственно мыслимый идеаль, который въ концѣ концовъ бессознательно утверждается и всякимъ невѣрующимъ идеалистомъ (впослѣдствіи мысль Соловьева). Онъ есть «вѣковѣчный, отъ вѣка идеаль, къ

которому стремится и по закону природы долженъ стремиться человѣкъ». Въ немъ есть своя логичность, своя разумность (Логосъ) и кое въ чемъ онъ выразимъ и для насъ со всею понятностью и убѣдительностью: «высочайшее, послѣднее развитіе личности, полнота развитія своего я — это отдать его цѣликомъ всѣмъ и каждому безраздѣльно и беззавѣтно». Вотъ въ этомъ принципѣ, въ этой идеальной аксіомѣ, въ этой логикѣ сердца, думаетъ Достоевскій, нельзя сомнѣваться. И въ этомъ онъ правъ, — здѣсь существуетъ высшая духовная очевидность.

Достоевскій формулируетъ здѣсь этической идеаль сначала въ одномъ аспектѣ, въ аспектѣ отношеній между личностью и общиной, между «я» и «всѣ», иначе говоря, въ аспектѣ соборности. И вотъ какъ онъ формулируетъ этотъ принципъ соборности: индивидуальная личность и община всѣхъ лицъ («новидимому, двѣ крайнія противоположности») достигаютъ предѣла развитія, жертвуя другъ другу всѣмъ, «взаимно уничтожаясь другъ для друга», и въ этомъ уничтоженіи обрѣтая всю полноту бытія. Это значитъ, что личность отдаетъ себя обществу (всѣмъ и каждому) всецѣло, но, съ другой стороны, и общество отдаетъ себя личности, каждой отдѣльной индивидуальности, — тоже всецѣло, предоставляетъ каждой личности всѣ свои общественныя силы, заботы и организацию всецѣло для ея расцвѣта и развитія. Здѣсь Достоевскій съ поразительной пронизательностью сформулировалъ совершенно парадоксальный принципъ христіанской этики: индивидуумъ и всеобщность — равноцѣнны. Эта мысль была совершенно непонятна античному міру, была непонятна платоновскому коммунизму и останется непонятной коммунизму современному. Для нихъ — личность никогда не можетъ быть равноцѣнна общинѣ и государству. Но христіанская формула соборности отрицаетъ и противоположное искаженіе: отрицаетъ эгоистическій индивидуализмъ XIX вѣка, въ которомъ личность используетъ всѣ силы общества и организациі исключительно для своихъ выгодъ и цѣлей. Это неустойчивое, лишь идеальное возможное равновѣсіе двухъ равноцѣнныхъ противоположностей (я и всѣ) составляетъ принципъ соборности, братства, христіанской любви. Кто можетъ демонстрировать болѣе высокій и болѣе совершенный идеаль, пусть это сдѣлаетъ.

Принципъ этого идеала есть принципъ единства про-

противоположностей (я и всѣ). Вотъ почему Достоевскій говорить о снхтетической природѣ Христа и Бога. Соборность есть единство противоположностей и, слѣдовательно, единство всѣхъ, в с е е д и н с т в о. Любовь всѣхъ есть единопдушіе и единомысліе, слѣдовательно, тоже всеединство. Идеи всеединства, любимая идея русской философіи, формулированная потомъ Соловьевымъ, цѣлкомъ здѣсь находится у Достоевскаго. Мы видимъ здѣсь основную интуицію его мистики и его эстетики, интуицію у н и в е р с а л ь н о й г а р м о н и и, выраженную здѣсь въ этическомъ аспектѣ; но она, по существу, далеко выходитъ за предѣлы этики. Соборность и любовь выходятъ за предѣлы отношенія человѣка къ человѣку, любовь расширяется до предѣловъ всего міра, всей вселенной, до предѣловъ н а с т о я щ а г о в с е е д и н с т в а. («Посмотрите на ребенка, посмотрите на Божью зарю, посмотрите на травку, какъ она растетъ, посмотрите въ глаза, которые на васъ смотрятъ и васъ любятъ...» — слова, выражающія экстазъ полноты и гармоніи, чувство рая у князя Мышкина).

Соборность превращается въ единый соборъ, объемлющій всю полноту жизни и всю красоту бытія, которая «спасаетъ міръ». Чувство универсальной гармоніи, какъ красоты бытія («цѣлуйте землю»), есть основная творческая и мистическая интуиція Достоевскаго, его переживание райскаго бытія. Прозрѣніе рая, какъ гармоніи бытія, какъ счастья и избытка, есть и у Пушкина въ сильнѣйшей степени, но у него — въ творческомъ изобиліи, въ творческой игрѣ, въ Моцартовской беззаботности; напротивъ, у Достоевскаго — въ жизненномъ трагизмѣ, въ страданіяхъ и лишенияхъ. Въ трагизмѣ онъ предчувствуетъ разрѣшеніе, предчувствуетъ Утѣшителя, дарующаго благодать, гармонію, грацію. Какъ маркизь Поза, приговоренный къ смерти, онъ восклицаетъ: «Боже, какъ жизнь прекрасна!»

Чувство полноты и гармоніи, чувство восхищенія, переживается когда-либо каждымъ человѣкомъ въ моментъ духовнаго восторга, удивленія передъ героизмомъ или святостью, изумленія предъ великимъ произведеніемъ человѣческаго генія или красотой космоса. Все это лишь предвосхищеніе полноты и гармоніи, постоянно присутствующей во всякомъ развитіи и ведущей насъ въ творчество. Какъ его пережить, этотъ райскій мистическій онгитъ, это чувство безкорыстной радости и блаженства?

Отвѣтъ Христа: путь жертвы, полная отдача своего малаго я: «возлюби все, какъ себя» — эта заповѣдь остается одной и той же и для ученаго и для художника и для святого — черезъ нее душа раздвигается до предѣловъ вселенной, («О, если-бы могъ въ свои объятья я васъ, враги, друзья и братья, и всю природу заключить!»), любовно охватываетъ весь міръ, охватываетъ прошлое и будущее, принимаетъ въ себя всѣ души и всѣ сердца, сплывится «всеединой». И тогда времени больше нѣтъ, какъ нѣтъ и пространства и раздѣленія. Мигъ вѣчности въ предвосхищеніи. Только тогда можно сказать: «остановись мгновенье, ты прекрасно!»

Въ такой концепціи безсмертія человѣку предоставляется какъ бы выборъ между высшей и низшей вѣчностью, между вѣчностью и безсмертіемъ коснаго вещества (энтропий) и между уничтоженіемъ косности, которое есть духъ, жизнь и полнота. Путь къ этой высшей и духовной вѣчности есть жертва, но жертва — чѣмъ? неполнымъ, ограниченнымъ, закованнымъ, малымъ своекорыстнымъ я (о немъ сказано: если кто душу свою сохраняетъ, погубитъ ее). Эта «жертва» есть великое освобожденіе, необходимое для всякаго творчества, научнаго, художественнаго, этического, она есть выходъ изъ порочнаго круга эгоизма и солипсизма, выходъ въ полноту всеединства.

И еще одна мысль въ этомъ отрывкѣ Достоевскаго, которую мы рассмотрѣли лишь въ качествѣ психологическаго симптома его личной драмы. Какъ такой идеаль, и съ нимъ такая идея безсмертія, оцѣниваетъ бракъ, любовь, семью? Что безсмертно въ половой любви, что имѣетъ въ ней вѣчное значеніе? Достоевскій отвѣчаетъ: дѣторожденіе, продолженіе рода и родовая любовь имѣютъ смыслъ во времени, но не въ вѣчности, имѣютъ смыслъ въ теченіе развитія человѣчества, въ теченіе переходнаго состоянія, но не въ окончательномъ идеаль, не въ полной завершенности и гармоніи. Вѣчное значеніе имѣетъ только гармонія двухъ взаимно восполняющихъ индивидуальностей, какъ двухъ противоположностей. Отсюда — двойственный взглядъ на семью: «семейство — это высочайшая святыня человѣка на землѣ» (залогъ развитія, смѣны поколѣній, движенія къ идеалу), но не на небѣ, ибо тамъ развитіе и стремленіе не нужны. Семья есть съ

одной стороны преодоленіе эгоизма, зарожденіе и вѣчный символъ любви; но вмѣстѣ съ тѣмъ существуетъ семейный эгоизмъ и ложная самодостаточность семьи. Это тѣ самыя идеи, которыя заложены въ платоновомъ ученіи объ эросѣ и впоследствии съ такимъ блескомъ развиты Соловьевымъ въ его «Смыслъ Любви». Можно только удивляться, въ какой степени у Достоевскаго присутствуютъ любимыя идеи русской философій: христіанскій платонизмъ, космизмъ, и идея всеединства. Онъ предвидѣлъ даже ту дилемму, въ которой можетъ быть выражена философская трагедія современной Россіи: «в се о б щ а я к о с н о с т ь и м е х а н и з м ъ в е щ е с т в а (у ч е н і е м а т е р і а л и с т о в ъ)» — «или у п и ч т о ж е н і е к о с н о с т и, т. е. ц е н т р ѣ и с и н т е з ѣ в с е л е н н о й, и н а р у ж н о й ф о р м ы е я — в е щ е с т в а, т. е. Б о г ѣ, т. е. ж и з н ь б е з к о н е ч н а я».

Б. Вышеславцевъ.